

✦ Асмодей Денница ✦

Золотая Роза Монсегюра

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Асмодей Денница

Золотая роза Монсегюра

«Автор»

2026

Денница А.

Золотая роза Монсегюра / А. Денница — «Автор», 2026

Исторический роман о любви инквизитора и ведьмы, о тайнах тамплиеров и семи золотых розах, способных изменить судьбу мира. Франция, 1307 год. Инквизитор Себастьян де Монфор получает приказ арестовать Элиану — травницу из Монсегюра, обвиняемую в ереси. Но первая же встреча рушит всё, во что он верил. Когда Себастьян открывает медальон матери, он находит внутри не реликвию — а ключ. Золотая роза, семь лепестков, капля рубина. И слова: "Она приведёт тебя к отцу". В ту же ночь Элиана исчезает из запертой камеры, оставив лишь запах трав и загадку. Себастьян нарушает обет, лжёт епископу и отправляется по следу — не ради спасения ведьмы, а ради правды, которая может стоить ему жизни. Их путь лежит через сожжённые деревни, катакомбные храмы катаров и замки, где ещё звучат отголоски альбигойских войн. За ними по пятам идёт не только инквизиция — охотник за розами, человек, предавший хранителей, уже собрал три из семи. Если он найдёт все — мир сгорит в огне новой веры, которую он сочтёт истиной.

© Денница А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

◆ Пролог	5
◆ Глава 1. На ложе из терний	11
◆ Глава 2. О том, как трудно быть святым	18
◆ Глава 3. О том, как побег становится началом, а не концом	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Золотая роза Монсегюра

◆ Пролог

In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti
Сентябрь 1307 года от Рождества Христова
Замок Монсегюр, предгорья Пиренеев

Серый рассвет цеплялся за зубчатые стены замка словно измождённый путник, ищущий пристанища. Ледяной ветер нёс с гор запах грозы, хотя небо над Пиренеями оставалось обманчиво чистым — бледным, как лицо человека, узревшего призрака. Где-то там, за зубчатыми пиками, уже клубились тяжёлые тучи, предвещая скорый ливень.

Себастьян де Монфор стоял у высокого стрельчатого окна и смотрел, как утро просачивается сквозь свинцовые переплеты витражей, окрашивая каменный пол в кровавые оттенки. Час заутрени давно миновал, а он всё не мог согнать с себя озноб, поселившийся в костях несколько дней назад, когда в его руки попал приказ из Парижа — тот самый, что лежал сейчас на дубовом столе, прожигая восковую печать алым отблеском свечи.

«Посему предписываю вам, любезный наш сын во Христе, брат Себастьян, неукоснительно выполнить волю его святейшества папы Климента и нашего государя короля Филиппа, а именно: взять под стражу женщину, именуемую Элианой из Монсегюра, обвиняемую в ереси, колдовстве и сношениях с нечистой силой, провести дознание с пристрастием и, по установлении вины, предать её в руки церковного суда для свершения правосудия».

Он знал это послание наизусть. Каждое слово, каждую изящную завитушку пергамента. Знал и то, что стоило ему только поставить свою подпись — и обратного пути уже не будет. Потому что не было в этом мире пути назад для того, кто однажды прикоснулся к запретному знанию.

Но дело было не в знании.

Дело было в ней.

— Брат Себастьян?

Голос послушника раздался за его спиной — тихий, почтительный, с той дрожью, что всегда возникала в голосах людей, когда они обращались к инквизитору. Четыре года, проведённых в этой должности, научили Себастьяна слышать страх. Он научился различать его оттенки: боязнь, трепет, ужас. И безразличие к этому страху, ставшее его второй натурой.

— Она здесь, — сказал послушник. — Мы привели её, как вы приказали.

Себастьян медленно обернулся. В отсветах догорающих свечей его лицо казалось высеченным из камня — каждая черта резкая, холодная, как клинок, что висел у него на поясе. Тёмные волосы были аккуратно зачёсаны назад, открывая высокий лоб, изборождённый едва заметными морщинами — их оставили годы напряжённой работы, бессонные ночи над манускриптами, сомнения, которые он никогда не позволял себе показывать.

— Она сопротивлялась? — спросил он, хотя знал ответ.

— Нет, отец инквизитор. Она... — послушник запнулся, пытаясь подобрать слова, но они ускользали, оставляя лишь сбивчивое бормотание. — Она пошла с нами добровольно. Улыбалась.

Себастьян нахмурился. Улыбалась. Интересно.

— Приведите её в зал допроса. Через полчаса я буду там.

Послушник поклонился и исчез за дубовой дверью, оставив после себя лишь запах воска и сырости, всегда сопутствовавший этим старым замкам.

Себастьян снова повернулся к окну. Вдали, на скалистом выступе, виднелись руины древней часовни — говорят, некогда там собирались катары, чтобы совершать свои тайные обряды.

Теперь от святилища остались лишь обгоревшие камни да чёрная, выжженная земля, на которой ничего не росло уже почти столетие.

Его пальцы коснулись медальона на груди — серебряного креста с вплетённым в него гербом дома Монфоров. Холод металла всегда успокаивал его, возвращая к реальности, к той твёрдой почве, на которой он стоял. Но сегодня даже этот привычный ритуал не помогал.

Потому что в подвале замка, в камере, где он сам приказал запереть её, ждала та, чей образ не давал ему покоя уже три недели. С той самой ночи, когда он увидел её впервые.

Зал допроса больше походил на склеп — низкие своды, голые каменные стены, в которые время врезало глубокие борозды. В углах тускло мерцали свечи, отбрасывая длинные танцующие тени, похожие на изломанные пальцы, тянущиеся к пленнице. В центре зала стоял дубовый стол, на котором лежали орудия, призванные развязывать языки — щипцы, клещи, плети с железными наконечниками. Они никогда не использовались в этом зале, но их вид должен был действовать на подсудимых устрашающе.

Себастьян никогда не применял пытки. Он считал это проявлением слабости — неспособностью убедить, обойти, сломать волю человека одним лишь словом. Но его недруги в ордене говорили иначе: они шептались, что инквизитор де Монфор не использует железо потому, что боится увидеть в глазах жертвы собственное отражение.

Быть может, в этом и была доля правды.

Дверь с противным скрипом отворилась, и в зал вошли двое стражников. Между ними, свободная, без оков, шла та, что свела с ума трёх членов инквизиционного трибунала и привела в замешательство самого великого магистра.

Она была прекрасна. Себастьян знал, что должен был думать о ней как об орудии сатаны — как о сосуде греха, как об отродье ада, принявшем обличье женщины. Но когда она подняла на него свои глаза — цвета весенней листвы, с золотыми искрами, пляшущими в зрачках, — он понял, что все его молитвы, все его обеты, вся его вера, взлелеянная годами, рушатся в прах.

Она улыбнулась. И в этой улыбке было столько знания, столько тайны, что у Себастьяна перехватило дыхание.

— Брат Себастьян де Монфор, — произнесла она, и её голос — низкий, с хрипотцой, как у певицы из придворных менестрелей, — прозвучал в тишине зала. — А я-то думала, что вы старше.

Стражники нахмурились, не понимая, как можно обращаться к инквизитору с такой фамильярностью. Себастьян же просто стоял, вглядываясь в её лицо, пытаясь найти там следы того зла, о котором ему рассказывали. Но не находил.

Она казалась... обычной. За исключением глаз, конечно. И ауры — той незримой вибрации, что исходила от неё волнами, касаясь его кожи, его души, пробуждая то, что он так долго хоронил в себе.

— Элиана из Монсегюра, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы обвиняетесь в колдовстве, ереси и сношениях с нечистой силой. Что вы можете сказать в свою защиту?

Она усмехнулась — и в этом звуке послышалась насмешка, от которой по спине Себастьяна пробежал холодок.

— А что я могу сказать, брат инквизитор? Что я всего лишь травница, лечившая больных в своей деревне? Что я не продавала душу дьяволу, а просто умела видеть то, что скрыто от глаз обычных людей? Что те трое, что пришли за мной, пытались меня изнасиловать, а я всего лишь защищалась? — Она покачала головой, и прядь рыжих волос упала на лицо. — Вы же не поверите. Вы — инквизитор. Ваша вера — это клинок, а не щит.

— Я верю в справедливость, — ответил он, и в голосе его послышались нотки, которых он сам не ожидал. — Я верю, что прежде чем осудить человека, нужно услышать его.

Она подошла ближе, и стражники напряглись, но Себастьян взмахом руки остановил их. Она была без оружия, и он чувствовал — она не причинит ему вреда. По крайней мере, не сейчас.

— Услышать, — повторила она задумчиво, останавливаясь всего в нескольких шагах от него. — А если я расскажу вам то, что вы не сможете не услышать? Если я скажу вам, что в ту ночь, когда вы родились, ваша мать умерла, заслонив вас от убийцы? Если я скажу, что вы носите её медальон, но даже не знаете, что внутри?

Себастьян побледнел. Медальон — его медальон, тот самый, что висел у него на груди, — никто не знал о нём. Никто, кроме него самого. Даже его исповедник не видел эту реликвию.

— Откуда... — начал он, но она перебила его, сделав ещё шаг вперёд.

— Я вижу, брат Себастьян. Я всегда видела. И я вижу, что вы не такой, как другие инквизиторы. Вы — не палач. Вы — ищущий. Но то, что вы ищете, может уничтожить вас.

Она протянула руку и коснулась его запястья — и в тот миг мир перевернулся.

Себастьян увидел всё сразу: себя ребёнком, бегущим по коридорам замка; свою мать — прекрасную, смеющуюся, с глазами, такими же зелёными, как у Элианы; человека в маске, вонзающего кинжал в её грудь; себя, стоящего над могилой с зажатым в кулаке медальоном.

А потом — тьма. И голос.

«Ты найдёшь её, сын. И когда найдёшь — ты поймёшь, что всё это время искал не истину».

Себастьян отшатнулся, словно от удара. Его руки дрожали. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая все остальные звуки. Он опёрся о край стола, чтобы не упасть, и с трудом перевёл дыхание.

— Что... что это было? — прошептал он, глядя на неё с новой, незнакомой смесью страха и восхищения.

— Это был дар, — ответила она, и впервые в её голосе послышалась усталость. — Дар, который вы называете проклятием. Я вижу ваши сны, брат Себастьян. Я вижу ваши страхи. И я вижу, как вы боитесь того, что уже начали чувствовать.

Она снова улыбнулась — но на этот раз в улыбке не было насмешки. Была грусть. И что-то ещё... что-то, от чего у Себастьяна пересохло во рту.

— Мы встретимся снова, — сказала она, отступая назад. — Вы сами приведёте меня. Потому что я — единственная, кто знает правду о вашей матери. И я — единственная, кто может вам помочь.

Она отвернулась и, не дожидаясь знака, направилась к двери. Стражники, не понимая, что происходит, двинулись следом, но Себастьян их остановил.

— Подождите.

Элиана остановилась у порога, не оборачиваясь.

— Отведите её в северную башню. — Голос Себастьяна звучал глухо, словно доносился из-под воды. — И не причиняйте ей вреда. Она нужна мне живой.

Она слегка кивнула — и исчезла за дверью, оставив в зале только запах трав и горячих свечей.

Себастьян остался один. Он подошёл к столу, взял в руки клещи — холодные, безразличные к его дрожи — и посмотрел на них. А потом, медленно, словно совершая древний обряд, отложил их в сторону и достал из кармана медальон.

Он никогда не открывал его. До сегодняшнего дня.

И сейчас, когда его пальцы коснулись застёжки, он вдруг понял, что боится не того, что увидит там. Он боится того, что может увидеть в себе.

Элиана из Монсегюра. Та, кого он должен был осудить и предать огню.

Та, что смотрела на него, как на человека, а не как на орудие Божьего гнева.

Та, что знала его мать.

Та, что могла быть его единственным шансом узнать правду.

Или его единственным путём к гибели.

Он подошёл к окну и долго стоял, глядя на догорающие свечи. Потом, словно решившись наконец, провёл пальцем по застёжке медальона. Крышка открылась с тихим щелчком.

Внутри, на пожелтевшем пергаменте, был вырезан крошечный рисунок — золотая роза: семь лепестков, скрученных в бутон, с каплей рубина в сердцевине. Под ним — три строки, выведенные дрожащим материнским почерком:

«Сыну моему Себастьяну. Роза эта — ключ ко всему, что ты ищешь. Храни её. Она приведёт тебя к отцу. И она же укажет тебе путь, когда придёт время».

Пальцы его дрожали. Отец. Тот, кого он считал погибшим при осаде Акры. Тот, о котором мать никогда не говорила. Тот, чьё имя было запретным в доме.

Себастьян закрыл медальон и защёлкнул застёжку. Сердце билось часто и гулко, как колокол в ночь накануне Страшного суда.

Он не знал, что делать. Но он знал одно: завтра он придёт к ней снова. И она поможет ему понять, что означает эта роза.

Подземелье замка Монсегюр

Два часа спустя

Элиана сидела на холодном каменном полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела в маленькое зарешечённое окно, сквозь которое пробивался бледный свет дня. Она знала, что скоро будет буря. Она чувствовала её приближение в каждой клетке своего тела — так, как чувствовала всегда, когда грядущие перемены носились в воздухе, отравляя его электричеством и тревогой.

Она слышала его шаги задолго до того, как они затихли у двери. Он стоял там, не решаясь войти. Она улыбнулась в темноте: инквизитор, привыкший выносить приговоры, боялся переступить порог маленькой камеры. Боялся не её — себя.

Дверь отворилась. Себастьян вошёл в камеру, прикрыв за собой дверь, и остановился, глядя на неё. В неровном свете свечи его лицо казалось усталым и постаревшим — человек, который за один вечер узнал больше, чем за всю жизнь.

— Вы пришли, — сказала она без тени удивления. — Я знала, что придёте.

Он присел на корточки напротив неё, так что их глаза оказались на одном уровне.

— Я открыл медальон, — сказал он тихо. — Там золотая роза. И слова моей матери. Она пишет, что роза приведёт меня к отцу. Но мой отец мёртв. Он погиб в Акре.

— Он не погиб, — спокойно ответила она. — Он жив. И он ждёт вас.

Себастьян замер.

— Откуда вам это известно?

Она протянула руку и коснулась его ладони — легко, едва ощутимо.

— Я видела его, когда коснулась вас. Видела, как он стоит у постели вашей умирающей матери. Как держит её за руку. Как клянётся ей, что найдёт того, кто отнял у него её и отдаст ему долг сполна. — Она помолчала. — Он носит такую же розу. Только его роза — чёрная, выжженная. Она оставлена ему тем, кто предал хранителей.

— Хранителей? — переспросил Себастьян, и голос его дрогнул.

— Тамплиеров, которые хранят тайну. — Элиана посмотрела ему в глаза. — Ваша мать была одной из них, брат Себастьян. Женщина-хранитель — такое случалось редко, но случилось. Она хранила одну из семи роз — золотую. Ту, что теперь у вас.

Себастьян молчал. Слишком много правды обрушилось на него за один вечер. Слишком много, чтобы вместить.

— Почему вы рассказываете мне это? — спросил он наконец. — Я — инквизитор. Я — тот, кто должен вас сжечь.

— Потому что вы — тот, кто должен вам помочь, — ответила она просто. — Один из семи роз уже украден. Украден тем, кто охотится за всеми семью. Если он соберёт их все — он сможет открыть то, что хранители прячут веками. И тогда мир изменится. Не в лучшую сторону.

Она помолчала и добавила тише:

— Мы должны действовать, брат Себастьян. И действовать быстро. Иначе будет поздно. Для всех нас.

Себастьян стоял на пороге, не в силах пошевелиться. В груди бушевала буря, не меньшая, чем та, что уже начинала рваться на свободу за стенами замка.

— Вы просите меня пойти против своего ордена, — сказал он. — Против церкви. Против всего, во что я верил.

— Я прошу вас пойти против несправедливости, — ответила она. — Против лжи, которую вам рассказывали с детства. Против тех, кто убил вашу мать, — она на миг задержала на нём взгляд, — и хочет убить вас.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что ваша мать умерла не от болезни, брат Себастьян. Её убили. Убили из-за розы, которую она носила. Из-за того, что она знала. И те, кто это сделал, до сих пор живы. Они среди вас. В вашем ордене.

Тишина повисла в камере, тяжёлая, как могильная плита. Себастьян смотрел на неё, и в его глазах медленно разгорался огонь — гнев, смешанный с чем-то ещё, чего он не смел назвать.

— Откуда вам это известно? — спросил он хрипло.

— Я видела, — просто ответила она. — Я вижу прошлое, когда касаюсь человека. Я коснулась вас — и увидела вашу мать. Я коснулась её памяти — и увидела того, кто поднял на неё руку. Он носит воротник священника, брат Себастьян. И он — один из ваших.

В дверь камеры постучали. Голос стражника прозвучал приглушённо, но отчётливо:

— Отец инквизитор, епископ требует вас к себе. Гонец из Парижа.

Элиана поднялась и посмотрела на него в упор.

— Идите, — сказала она. — Скажите, что я сижу в этой камере и жду приговора. Так оно и будет. Но когда вернётесь — помните о розе. Роза не прощает медлительности.

Она снова опустилась на пол, скрестив ноги, и закрыла глаза, давая понять, что разговор окончен. Себастьян постоял ещё мгновение, потом повернулся и вышел из камеры, оставляя её одну в полумраке.

Себастьян стоял в часовне замка и смотрел на распятие. Свечи догорали, оставляя после себя лужицы воска, похожие на застывшие слёзы.

Он не молился. Он просто стоял и ждал, когда Бог скажет ему, что делать. Но Бог молчал.

А где-то в северной башне, закованная в камень и тишину, ждала она — та, чьи слова перевернули всё, во что он верил. Та, что назвала его мать хранительницей семи роз. Та, что обещала помочь ему найти отца.

Он достал медальон и снова открыл его. Золотая роза тускло блеснула в свете свечи — семь лепестков, бутон, рубин в сердцевине. Ключ ко всему. Ключ к тайне, которая стояла жизни его матери.

За окном впервые за вечер тяжело ухнул гром. Буря начиналась.

Над замком Монсегюр разразилась буря.

Ветер выл в бойницах, сотрясал дубовые ставни и срывал черепицу с крыш. Молнии рассекали небо, и на миг в их свете замок вспыхивал белым — призрачным, нездешним, словно сама твердыня катаров поднималась из мёртвых, чтобы стать свидетельницей чего-то великого и страшного.

Себастьян стоял у окна и смотрел на вспышки молний, разрезающие небо. В руке он сжимал медальон с золотой розой.

Он думал о том, что никогда ещё не чувствовал себя таким живым. И таким обречённым. Потому что он знал: завтра он снова придёт к ней.

И завтра он сделает выбор, который изменит всё. Для него. Для неё. Для всех.

А в камере северной башни, прислушиваясь к грому, Элиана из Монсегюра улыбнулась в темноте.

Он придёт. Она знала это. Так же, как знала, что впереди у них — дорога, полная крови и золота, лжи и правды, и что на этой дороге им суждено либо спасти мир, либо сгореть в пламени, которое они сами разожгут.

Она закрыла глаза и почувствовала, как по коже пробегает электричество приближающейся бури.

Роза цвела. И роза ждала.

◆ Глава 1. На ложе из терний

О, если б сердце могло быть немым,
Когда в нём говорит любовь,
И если б разум мог быть слепым,
Когда он видит кровь!
Но страсть сильнее долга, а правда горше лжи,
И тот, кто любит, знает — спасенье лишь в сторании душ.
Когда же пламя гаснет, останется ли свет,
Иль лишь пепел той любви, которой больше нет?

Ночь опустилась на Монсегюр, как чёрный бархатный плащ, расшитый серебряными нитями молний. Буря, что весь день копила за гребнем Пиренеев, наконец прорвалась — и теперь небо плакало огнём и водою, словно сам Господь оплакивал грехи этого мира. Ветер завывал в бойницах, сотрясал дубовые ставни и срывал черепицу с крыш, превращая замок в огромный орган, исполняющий Requiem.

Себастьян де Монфор шёл по галерее, соединяющей главную башню с северным флигелем, и считал шаги. Это помогало ему держать разум в узде — привычный ритуал, выработанный за годы службы. Сто двадцать семь шагов от его покоев до потайной двери, что вела в лестничный пролёт. Тридцать три ступени вниз. Ещё семнадцать — по коридору, где когда-то, говорят, обитали призраки альбигойских мучеников. И наконец — тяжёлая дверь, обитая железом.

Он остановился перед ней, прислушиваясь к себе. В груди колотилось сердце — не от быстрого шага, нет. От того, что за этой дверью ждала она.

Себастьян провёл ладонью по шершавой поверхности железа и задержал дыхание. Запах — тот самый, неуловимый, как рассветный туман над лугами, — просочился сквозь щели. Травы, мёд, и ещё что-то, что он не мог определить, но от чего у него перехватывало дыхание.

Он отворил дверь.

Элиана сидела на соломенном тюфяке в углу камеры, и свет единственной свечи, стоявшей на подоконнике, озарял её лицо мягким золотистым сиянием. Она была без покрывала, и рыжие волосы струились по плечам, словно расплавленная медь. Она не спала. Конечно, не спала. Она знала, что он придёт.

— Брат Себастьян, — произнесла она без тени удивления, и улыбка тронула уголки её губ. — Я почти сбилась со счёта. Я думала, вы придёте раньше.

Он вошёл в камеру и прикрыл за собой дверь, оставляя её чуть приоткрытой — на случай, если кто-то из стражников решит проверить, почему инквизитор так долго не возвращается в свои покои.

— Я не должен был приходить вовсе, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы — обвиняемая в ереси. Я — ваш судья. Это нарушение всех правил.

— Правил, — повторила она задумчиво, и в голосе её послышалась та же насмешка, что и в зале допроса. — А вы всегда следуете правилам, брат Себастьян?

Он не ответил. Вместо этого он прошёл к единственному стулу — грубо сколоченному, шаткому — и сел напротив неё. Расстояние между ними было не больше трёх шагов, но казалось, что между ними — пропасть, вырытая верой, долгом и страхом, который он не хотел признавать.

— Расскажите мне о своей матери, — сказала она тихо, и в голосе её не было насмешки. Одна только серьёзность. — Вы носите её медальон. Вы даже не знаете, что внутри. Хотите узнать?

Себастьян сглотнул. Горло пересохло, как пустыня в полдень.

— Откуда вам известно о медальоне? — спросил он, хотя уже знал ответ. Она видела. Она всегда видела.

Элиана поднялась с тюфяка — медленно, плавно, как кошка, потягивающаяся после долгого сна. Подошла к нему и остановилась так близко, что он слышал её дыхание. Она пахла травами — мятой, чабрецом, дымом, и ещё чем-то сладким и терпким, от чего кружилась голова.

— Я вижу, брат Себастьян. Это мой дар. Или проклятие, как вам будет угодно. Я вижу прошлое, когда прикасаюсь к человеку. И я вижу настоящее, когда он близко. — Она наклонилась, и её пальцы, прохладные, как утренняя роса, коснулись его щеки. — Вы боитесь. Вы боитесь того, что можете узнать. И вы боитесь того, что можете почувствовать.

Его рука взметнулась и перехватила её запястье — не грубо, но твёрдо, останавливая.

— Не прикасайтесь ко мне, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я не хочу... я не должен...

— Видите? — она улыбнулась, и в этой улыбке было столько боли, что у него на миг перехватило дыхание. — Вы даже не можете закончить фразу. Потому что вы уже знаете, что я не лгу. Вы чувствуете это. И это пугает вас больше, чем дьявол, которого вы ищете всю свою жизнь.

Она высвободила запястье из его пальцев — легко, почти невесомо — и сделала шаг назад.

— Я не буду прикасаться к вам без вашего позволения, брат Себастьян. Но я прошу вас: позвольте мне показать вам правду. Хотя бы для того, чтобы вы знали, кого собираетесь сжечь.

Себастьян сидел неподвижно, глядя на неё. В свете свечи её глаза казались почти прозрачными, словно две изумрудные капли, поймавшие в себя свет и тьму одновременно. И он понял, что не сможет отказать.

— Покажите, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, как эхо в пустом колодце. — Покажите мне правду.

Она улыбнулась — мягко, почти грустно — и протянула ему руку, раскрыв ладонь.

— Возьмите меня за руку. И позвольте себе видеть.

Себастьян медленно поднял руку и коснулся её пальцев — кончиками, словно боялся обжечься. Но когда её ладонь сомкнулась на его запястье, мир вокруг него потемнел.

Видение нахлынуло волной — острой, солёной, как слёзы. Он стоял в комнате, которую никогда не видел раньше, но которая казалась мучительно знакомой. Каменные стены, узкое стрельчатое окно, за которым клубился серый туман. В углу — кровать с балдахином, на которой лежала женщина.

Она была прекрасна — с тёмными волосами, рассыпавшимися по подушке, и глазами, такими же зелёными, как у Элианы. Но эти глаза были закрыты, а лицо её было бледным, как пергамент, на котором уже не осталось ни одной буквы.

Рядом с кроватью стоял мужчина в плаще тамплиера — высокий, сутулый, с лицом, скрытым тенью капюшона.

— Она умирает, — сказал этот мужчина голосом, который Себастьян никогда не слышал, но который узнал бы из тысячи. — Твой сын родился, но её жизнь уходит. Если я спасу её, ты должен будешь отдать мне медальон.

В углу комнаты, у двери, стояла Элиана — совсем юная, почти девочка, с теми же рыжими волосами и тем же пронзительным взглядом. Она смотрела на тамплиера с ненавистью, которую не могла скрыть.

— Отдай ему, — прошептала она, обращаясь к кому-то, кого Себастьян не видел. — Отдай ему, и она выживет. Иначе она умрёт, а ты потеряешь всё.

И вдруг комната исчезла, и Себастьян увидел себя — ребёнка, стоящего у гроба, в котором лежала женщина с зелёными глазами, уже мёртвая. Рядом с ним, на коленях, стоял муж-

чина — его отец, которого он помнил лишь смутно, по отрывочным картинам детства. Отец плакал, сжимая в руках медальон.

«Она умерла, спасая тебя, — сказал он, поворачиваясь к ребёнку. — Но её душа не покоится с миром. Она просила меня передать тебе это...»

Он протянул медальон мальчику, и тот взял его — такой же маленький и холодный, как сейчас.

«Ты найдёшь ту, кто знает правду. Ты полюбишь её, и она погубит тебя. Но ты не сможешь её не любить, потому что она — единственная, кто способен тебя спасти».

Видение оборвалось так же внезапно, как и началось. Себастьян с трудом разлепил веки и обнаружил, что сидит на полу камеры, привалившись спиной к холодной стене. Элиана стояла рядом на коленях, и её лицо было совсем близко — обеспокоенное, встревоженное.

— С вами всё в порядке? — спросила она, и в голосе её звучала неподдельная забота. — Я знаю, это было тяжело. Но я должна была показать вам.

Себастьян сделал глубокий вдох. Воздух — холодный, пахнувший сыростью и плесенью — обжёг лёгкие, возвращая его в реальность.

— Кто был тот человек? — спросил он хрипло. — Тамплиер. Тот, кто предлагал спасти мою мать?

Элиана отвернулась и поднялась на ноги. Она подошла к окну и встала так, что свет свечи падал на её лицо, делая его почти прозрачным.

— Я не знаю его имени. Но я знаю, что он был частью ордена. И я знаю, что он знал тайну, которую носил ваш медальон. Тайну, которую вы должны раскрыть, если хотите понять, почему всё это происходит с вами.

Она повернулась к нему, и в её глазах светилась решимость.

— Тамплиеры не исчезли, брат Себастьян. Они просто ушли в тень. Они ждут своего часа. И вы — часть их плана. Ваша мать знала это. Она умерла, чтобы защитить вас. И теперь вы должны узнать, что она скрывала.

Себастьян поднялся на ноги, чувствуя, как дрожат колени. Ему хотелось верить ей. И в то же время хотелось бежать — бежать от этой правды, которая лежала перед ним, обнажённая, как её лицо в свете свечи.

— Почему я должен вам верить? — спросил он тихо. — Вы — ведьма. Вы — та, кого я должен сжечь.

Она улыбнулась — и в этой улыбке не было ни горечи, ни обиды.

— Потому что вы уже верите. Потому что вы знаете, что я говорю правду. И потому что вы почувствуете то же, что и я.

Она шагнула к нему и взяла его за руку — медленно, словно давая ему время отстраниться. Но он не отстранился.

— Когда вы смотрите на меня, — прошептала она, — вы видите не ведьму. Вы видите женщину. И я вижу в вас не инквизитора. Я вижу мужчину, который ищет ответы. И я могу дать вам эти ответы, если вы позволите.

Она поднесла его руку к своим губам и поцеловала пальцы — легонько, почти невесомо. И в этом поцелуе было столько нежности, что у Себастьяна перехватило дыхание.

— Не делайте этого, — сказал он, и голос его сел. — Я не могу... я не имею права...

— Права, — повторила она, и в голосе её зазвенела сталь. — А кто дал вам право быть судьёй? Бог? Ваш орден? Или вы сами? Вы хотите знать правду, но боитесь её. Вы хотите любить, но боитесь любви. Вы хотите жить, но уже похоронили себя заживо.

Она отпустила его руку и отошла к окну. За стеклом бушевала ночь.

— Уходите, брат Себастьян. Подумайте о том, что я сказала. А если решите узнать правду — приходите снова. Я буду ждать.

Себастьян стоял, не в силах пошевелиться. В его груди бушевала буря, не меньшая, чем та, что металась за стенами замка.

Он хотел сказать ей что-то — может быть, попросить прощения, может быть, объяснить, почему он не может позволить себе эту слабость, но слова застряли в горле, связанные страхом и желанием, которое он не смел признать.

Вместо этого он развернулся и вышел из камеры, оставляя её одну с её тайнами и с тем светом, что горел в её глазах, как вечный огонь на алтаре.

Коридоры замка были пусты и безмолвны, только шаги Себастьяна отдавались эхом от каменных стен. Он шёл быстро, почти бегом, стараясь не думать о том, что только что произошло. Но мысли не слушались. Они возвращали его к ней — к её голосу, к её руке, к тому поцелую, который обжёг его пальцы, оставив на них невидимый след.

Он остановился на середине галереи и прислонился лбом к холодному камню.

«Что я делаю? — спросил он себя. — Что я делаю с собой, с ней, со всем, во что я верил?»

Он не нашёл ответа. И это было страшнее, чем любой приговор, который он когда-либо выносил.

На следующее утро, когда солнце встало над горами, окрашивая небо в алый цвет, Себастьян стоял в часовне замка и смотрел на распятие. Свечи догорали, оставляя после себя лужицы воска, похожие на застывшие слёзы.

Себастьян не мог молиться — слова застревали в горле, не доходя до неба. Он стоял в тишине, и тишина эта была красноречивее любой молитвы.

В дверях часовни слышались шаги, и Себастьян обернулся. На пороге стоял брат Арно, его помощник, с лицом, бледным от тревоги.

— Отец инквизитор, — произнёс он, и голос его дрожал. — Прибыл гонец от епископа. Он требует, чтобы мы передали ведьму в руки церковного суда. Сегодня. До захода солнца.

Себастьян молчал. Он смотрел на распятие, но видел перед собой зелёные глаза, полные тайны и обещания.

— Передайте гонцу, — сказал он наконец, и голос его звучал ровно, почти спокойно, — что я лично явлюсь к епископу и объясню ему всё. А пока ведьма остаётся здесь. Под моей защитой.

Брат Арно открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Он поклонился и вышел, оставляя Себастьяна одного перед алтарём.

Себастьян сжал в руке медальон, чувствуя, как холод металла проникает в кожу, смешиваясь с теплом, оставшимся после прикосновения Элианы.

«Я не могу тебя отпустить, — подумал он, обращаясь к той, что ждала в северной башне. — И не могу оставить».

Он не знал, что делать дальше. Но знал одно: он не позволит никому причинить ей вред. Даже если это будет стоить ему жизни.

И в этом решении было столько же отчаяния, сколько и надежды.

День тянулся медленно, как мёд из опрокинутой кадки. Себастьян сидел в своих покоях над старинным манускриптом, но буквы расплывались перед глазами, складываясь в иные знаки — в рыжие локоны, в изумрудный взгляд, в улыбку, которая не выходила из головы.

Он попытался молиться. Не получилось. Слова «Отче наш» путались, превращаясь в её слова: «Вы хотите знать правду, но боитесь её».

Он попытался писать отчёт о деле. Не получилось. Перо оставляло на бумаге только имя: Элиана. Элиана. Элиана.

Когда за окном опустились сумерки, Себастьян поднялся, взял плащ и вышел из покоев. Он шёл той же дорогой — сто двадцать семь шагов, тридцать три ступени, семнадцать шагов по коридору призраков. Так же считал шаги. Так же замирал у железной двери.

Он не знал, зачем пришёл. Знал только, что не мог не прийти.

Элиана сидела у окна и, услышав скрип двери, обернулась. В руках у неё была горсть сухих трав, которые она перебирала с каким-то странным спокойствием, словно перебирала чётки.

— Вы вернулись, — сказала она, и в голосе её послышалось то, чего он не ожидал: тепло. — Я знала, что вернётесь.

— Откуда? — спросил он, и сам удивился, как хрипло прозвучал его голос.

— Потому что вы не можете иначе, — ответила она просто. — Так же, как не можете дышать иначе. Четыре года вы жили во лжи. А сегодня впервые увидели правду. От правды не уходят, брат Себастьян. К ней возвращаются. Снова и снова. Пока она не станет частью тебя.

Он стоял в дверях, не в силах сделать ни шагу внутрь. И в то же время не в силах уйти.

— Утром пришёл гонец от епископа, — сказал он. — Он требует, чтобы я передал вас церковному суду. Сегодня.

— И что вы ответили?

— Я ответил, что вы останетесь здесь. Под моей защитой.

Она поднялась и медленно подошла к нему. В мерцании свечи её лицо казалось сотканным из света и тени.

— Вы только что преступили свой главный обет, — тихо сказала она. — Вы, инквизитор, защищаете ведьму. Знаете, что это значит?

— Знаю. — Он смотрел ей прямо в глаза. — Это значит, что обратного пути больше нет.

Она протянула руку и коснулась его груди — там, где под тканью лежал медальон с золотой розой.

— Тогда идёмте, — сказала она. — Идёмте со мной туда, откуда нет возврата. И посмотрим, что ждёт нас там.

Он накрыл её руку своей ладонью. И впервые за долгие годы не отстранился.

— Идём, — сказал он.

За окном снова собиралась гроза.

Они сидели на каменном полу камеры, разделённые всего на шаг, и слушали, как дождь барабанит по крыше северной башни. Элиана протянула ему чашку с тёплым отваром — он сам не заметил, когда она успела заварить травы на маленькой жаровне в углу.

— Пейте, — сказала она. — Это снимет тяжесть с сердца.

— Вы пытаетесь меня отравить? — спросил он, и в голосе его впервые за вечер проскользнула ирония.

— Если бы я хотела вас отравить, — ответила она с улыбкой, — я бы выбрала яд без запаха. А это просто мята и мелисса. Пейте, не бойтесь. Ваша святая инквизиция не одобрит, конечно, что вы пьёте снадобье ведьмы, но, кажется, вы и так уже в числе самых больших грешников этой епархии.

Себастьян взял чашку, сделал глоток и почувствовал, как тепло разливается по груди. На вкус отвар был горьковато-сладким, с привкусом дыма и чего-то, напоминающего мёд.

— Хорошо, — сказал он.

— Конечно, хорошо, — кивнула она. — Я, между прочим, лучшая травница от Тулузы до Пиренеев. Спросите любого пастуха. Кстати, вас они боятся, а меня звали по имени. Странно устроен мир, не находите?

— Нахожу. — Себастьян глотнул ещё раз. — Расскажите мне про вашу мать. Вы сказали, что она была... связана с тамплиерами. Как?

Элиана помолчала, глядя на огонь жаровни. Когда она заговорила, голос её был тих и ровен, как течение реки в полдень.

— Моя мать была дочерью кузнеца из Кастельнодари. Когда ей было шестнадцать, в их деревню приехали люди в белых плащах с красными крестами. Они искали того, кто умеет читать древние письма. Мать умела — её обучил старый еврей, который жил у них в подвале

и платил за кров кувшином вина и уроками чтения. Тамплиеры увезли её в свой дом, и она стала... чем-то вроде писца. А потом — больше, чем писца. Она узнала то, что знать было опасно.

— Про розы? — спросил Себастьян.

— Про розы, — кивнула Элиана. — Семь золотых роз, семь хранителей. Каждая роза хранит частицу тайны, которая прокормила бы десять королевств или сожгла бы десять городов. И моя мать узнала, где спрятана четвёртая роза. За это её и убили.

— Кто?

— Тот, кто предал хранителей. Тот, кто охотится за розами. — Элиана подняла на него глаза. — И, боюсь, брат Себастьян, что этот человек знает, что золотая роза вашей матери теперь у вас.

В тишине камеры эти слова прозвучали как приговор.

— А ведьма из Монсегюра, — медленно проговорил Себастьян, — она его?..

— Она его цель, — просто сказала Элиана. — Он думал, что роза у меня. Поэтому и натравил на меня ваших коллег. Поэтому меня и приволокли в ваш замок. Он хотел, чтобы я выдала, где роза. А роза — у вас. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, — медленно сказал Себастьян, — что, пока роза у меня, опасно и мне.

— Опасно и вам, — подтвердила она. — И вашему ордену. И этому замку. И всему, что вы любите. — Она помолчала. — Но и это ещё не всё. Есть человек, который знает, как розы собрать. И если он соберёт все семь — он сможет открыть то, что хранители запечатали. И тогда восторжествует не правда. Восторжествует то, что он сочтёт правдой.

Себастьян долго молчал, глядя на пламя. Потом поставил чашку на пол.

— Я хочу найти своего отца, — сказал он. — Я хочу узнать, зачем моя мать умерла. И я хочу понять, что такое эти розы.

— Тогда нам нужно уехать, — ответила Элиана. — Из этого замка. Из этой епархии. От вашего епископа и его гонцов. Нам нужно уехать, пока он не пришёл за нами со своей стражей.

— Уехать? — переспросил Себастьян. — Вы предлагаете мне, инквизитору, бежать с ведьмой?

— Я предлагаю вам, — мягко сказала она, — спасти свою душу. Всё остальное — как получится.

Она поднялась и протянула ему руку. Он смотрел на её ладонь, исчерченную тонкими линиями судьбы, и понимал, что сейчас решается всё.

— Я пойду с вами, — сказал он, и собственная смелость удивила его самого. — Куда бы вы ни пошли.

Она улыбнулась — той улыбкой, от которой у него внутри всё переворачивалось.

— Тогда собирайтесь, брат Себастьян. Нам нужно успеть до рассвета.

Утро встретило их серым туманом, ползущим по долине. Себастьян стоял у окна своих покоев и смотрел, как замок пробуждается, не подозревая, что его инквизитор больше не вернётся.

В кармане у него лежал медальон с золотой розой. На груди — маленький кинжал, подаренный Элианой прошлой ночью: «На случай, если правда окажется острее, чем хочется».

Он не знал, что ждёт его впереди. Но впервые за четыре года он чувствовал, что жив.

По коридору скользнула тень — Элиана. Она была в плаще с накинутым капюшоном, с котомкой за плечами. Она остановилась в дверном проёме и посмотрела на него.

— Готовы?

— Готов.

Она усмехнулась.

— Врёте. Но это ничего. Пойдёмте.

И они вышли из замка — навстречу дороге, дождю и неизвестности.

◆ Глава 2. О том, как трудно быть святым

Утверждают, что дьявол искушает людей, являясь им в образе прекрасной женщины. Но если бы Господь создал женщину столь же неотразимой, как убеждение, что ты прав, — сколь многие праведники пали бы ещё в Эдеме!

Истинная же хитрость сатаны в том, что он заставляет нас думать, будто мы действуем по своей воле, когда на самом деле мы лишь следуем его замыслу.

И величайшее из его искушений — заставить человека поверить, что он может судить другого, не судя прежде себя.

Солнце поднялось над Пиренеями, но его лучи не принесли тепла. Осеннее небо было бледным и холодным, как лицо мертвеца, а ветер, дувший с гор, нёс с собой запах снега — первого снега, который вот-вот должен был укрыть вершины белым саваном.

Себастьян де Монфор ехал верхом по каменистой дороге, ведущей в долину, где располагалась резиденция епископа. Его конь, вороной жеребец по кличке Гром, тяжело дышал, то и дело встряхивая гривой. Камни скользили под копытами, и каждый шаг давался с трудом, но Себастьян не жалел животное. Время поджимало.

Вчерашняя ночь не принесла ему покоя. Он почти не спал — ворочался на жёсткой постели, глядя в потолок, расписанный сценами из жизни святых, и гадал, что скажет епископу, когда предстанет перед ним. «Ведьма остаётся под моей защитой», — сказал он брату Арно. Но какое право имел инквизитор защищать ту, кого должен был осудить?

Гром фыркнул и замедлил шаг, и Себастьян понял, что они почти приехали. Внизу, в долине, раскинулась усадьба епископа — небольшой замок, больше похожий на поместье знатного сеньора, чем на резиденцию слуги Божьего. Белые стены, черепичные крыши, аккуратные сады — всё это выглядело почти идиллически, если бы не высокие стены и стражники у ворот.

Себастьян спешился и передал поводья конюху, который выбежал ему навстречу.

— Отец инквизитор, — поклонился тот, пряча глаза. — Его преосвященство ждёт вас.

— Знаю, — ответил Себастьян, поправляя плащ. — Проводи меня.

Епископ Филипп де Бофор был человеком внушительной наружности — высокий, грузный, с лицом, которое когда-то могло казаться привлекательным, но теперь было изборождено глубокими морщинами, словно иссохшая земля. Он сидел в кресле у камина, попивая вино из позолоченного кубка, и когда Себастьян вошёл, не потрудился даже подняться.

— Брат Себастьян, — произнёс он с лёгкой насмешкой, — как я понимаю, вы проделали долгий путь. Надеюсь, вы привезли мне хорошие вести.

Себастьян остановился у порога, встретившись взглядом с епископом. Он знал этого человека достаточно хорошо, чтобы не питать иллюзий. Филипп де Бофор был политиком, а не служителем Божьим. Он заботился о власти и богатстве, а не о спасении душ.

— Ваше преосвященство, — сказал Себастьян, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я пришёл просить вас об отсрочке. Дело о женщине из Монсегюра требует более тщательного расследования.

Епископ отставил кубок и наклонился вперёд, его глаза сузились.

— Более тщательного расследования? — переспросил он, и в голосе его зазвенела сталь. — Брат Себастьян, мне доложили, что вы уже держите эту женщину в замке. Три недели! И вы говорите мне о тщательном расследовании?

Он поднялся с кресла — медленно, словно давая себе время, чтобы обдумать каждое слово, — и подошёл к столу, на котором лежал свиток с королевской печатью.

— У меня есть приказ, — сказал он, беря свиток в руки. — Приказ от самого короля Филиппа. Его величество желает, чтобы еретики были наказаны быстро и показательно. Мон-

сегюр — это не просто село. Это колыбель альбигойской ереси. Каждый день, который мы медлим, — это ещё один день, когда яд распространяется дальше.

Себастьян сжал челюсти.

— Я знаю, ваше преосвященство. Но эта женщина не обычная ведьма. Она обладает знанием, которое может быть полезно ордену. Она знает о тамплиерах, об их тайных убежищах, о том, что они планируют.

Епископ замер, и на его лице мелькнуло выражение, которое Себастьян не мог прочесть. Страх? Удивление? Или нечто иное, более тёмное и опасное?

— Тамплиеры, — повторил он медленно. — Вы уверены, что она знает о тамплиерах?

— Она видела их, — ответил Себастьян, и это была правда — он видел их в её видении, тамплиера, который стоял у постели его умирающей матери. — Она может указать нам их убежища.

Епископ надолго замолчал, глядя в огонь камина. Когда он снова заговорил, голос его был тихим и почти ласковым.

— Брат Себастьян, вы человек умный, и я всегда ценил вашу преданность. Но вы должны понять: тамплиеры — это не наша забота. Их судьба решена. Король и папа уже подписали приказ об их аресте. Через неделю — не больше — не останется ни одного рыцаря Храма на свободе. Так что все их тайны перестанут иметь значение.

Он подошёл к Себастьяну и положил руку ему на плечо — жест, который должен был означать отеческое участие, но на деле был холодным и расчётливым.

— Отдайте мне ведьму, брат Себастьян. Сейчас. Я обещаю, что с ней обойдутся быстро и без лишних страданий. А вы вернётесь в Париж, где вас ждёт повышение и благословение самого папы.

Себастьян встретил взгляд епископа, и в этот момент он понял, что Филипп де Бофор боится. Боится не тамплиеров, не ведьмы — боится его, Себастьяна. Потому что он знал, что Себастьян может раскопать что-то, что лучше оставить погребённым.

— Я не могу отдать её, — сказал Себастьян тихо, но твёрдо. — Не сейчас. Позвольте мне ещё три дня. Если я не найду доказательств её невиновности — я передам её в руки церковного суда.

Епископ долго смотрел на него, и на его лице медленно расплылась улыбка — холодная, понимающая.

— Три дня, — повторил он. — И если вы не найдёте этих доказательств, я сам приеду за ней. И тогда уже ни вы, ни кто-либо другой не сможете её защитить.

Он протянул руку и сжал локоть Себастьяна.

— Берегите себя, брат мой. В вашем возрасте так легко оступиться и выбрать не ту дорогу. А я бы не хотел терять такого ценного сотрудника.

Себастьян высвободил руку, поклонился и, не произнося ни слова, вышел из зала.

На обратном пути он думал о словах епископа. «Уже подписали приказ об их аресте». Если это правда, то дни тамплиеров сочтены. Но зачем же тогда Филипп так боится, что Себастьян узнает о них?

Он пришпорил коня, и Гром понёсся по дороге, взбивая копытами облака пыли. Ветер свистел в ушах, и в этом свисте ему чудился голос, который он слышал в видении — голос тамплиера, стоявшего у постели его матери.

Он почти не заметил, как оказался у ворот замка. Брат Арно уже ждал его, встревоженный и бледный.

— Отец инквизитор, — произнёс он, когда Себастьян спешил, — у нас проблемы. Кто-то пытался проникнуть в северную башню.

Себастьян нахмурился.

— Что значит «кто-то»?

— Мы не знаем. Стражник, который стоял на посту, был найден мёртвым у подножия стены. Убит одним ударом ножа. В камере ведьмы всё было в порядке, но кто-то явно пытался пробраться к ней.

Себастьян почувствовал, как холодная волна страха окатила его с головы до ног.

— Она жива?

— Да, отец. Она жива. И утверждает, что знает, кто это был. Она просит, чтобы вы пришли к ней.

Когда Себастьян вошёл в камеру, Элиана стояла у окна, глядя на горы, и казалась совершенно спокойной — будто не она, а кто-то другой был объектом покушения.

— Вы знаете, кто это был? — спросил он, закрывая за собой дверь.

Она повернулась к нему, и на её лице появилась та самая мягкая улыбка, которая сводила его с ума.

— Знаю, — ответила она. — Это были люди епископа. Он хотел избавиться от меня, пока вы были в отъезде. Чтобы вы не успели меня защитить.

Себастьян подошёл к ней почти вплотную.

— Откуда вы знаете?

Она протянула руку и коснулась его щеки — и в этом прикосновении было столько доверия, что у него перехватило дыхание.

— Я видела, — прошептала она. — Я всегда вижу, что происходит. И я знаю, что вы пошли против епископа ради меня. Зачем, брат Себастьян? Зачем вы рискуете своей душой, своей карьерой, своей жизнью ради ведьмы?

Он хотел ответить, но слова застряли в горле. Он смотрел на неё, и всё, что он знал о долге, о вере, о справедливости, — всё это исчезало, как утренний туман, оставляя лишь одно: желание. Желание быть рядом с ней, защищать её, любить её.

— Я не знаю, — сказал он наконец, и его голос прозвучал хрипло. — Я не знаю, почему я здесь. Я не знаю, почему я не могу отпустить вас. Я только знаю, что если бы я позволил им забрать вас, я бы не смог жить дальше.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, что он на миг ослеп.

— Тогда оставайтесь, — сказала она. — Оставайтесь со мной. И мы вместе найдём правду.

Она снова взяла его за руку, и в этот раз он не отстранился. Он позволил ей прикоснуться к себе, и мир вокруг него снова потемнел, уступая место потоку видений.

Он видел себя — не таким, как сейчас, а другим, более молодым, с горящим взглядом и верой, которая могла свернуть горы. Он стоял на коленях перед алтарём, и его посвящали в рыцари ордена Храма. Он не был тамплиером, но он был кем-то, кто давал им клятву верности. Кем-то, кто знал об их тайнах.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Себастьян открыл глаза и обнаружил, что сидит на полу камеры, а Элиана стоит над ним, и в её глазах застыла тревога.

— Вы видели? — спросила она.

— Я видел, — ответил он, и голос его звучал глухо. — Но я не понимаю. Я никогда не был тамплиером. Я давал клятвы только ордену доминиканцев.

— Ваша мать, — сказала она тихо. — Она была связана с ними. И она передала вам эту связь. Через медальон. Через кровь.

Себастьян поднялся на ноги, чувствуя, как в груди поднимается волна гнева и отчаяния.

— И что мне теперь делать? — спросил он. — Идти к тамплиерам и просить их о помощи? Они же будут искать меня так же, как и епископ.

Элиана шагнула к нему и встала так близко, что он слышал биение её сердца.

— Нет, — сказала она, и в голосе её зазвучала решимость. — Вы пойдёте не к тамплиерам. Вы пойдёте к людям, которые знают их тайны. К тем, кто хранит их наследие. К катарам.

Он смотрел на неё, и в её глазах горел тот же свет, который он видел в видении — свет, способный осветить даже самую тёмную ночь.

— Катары? — переспросил он. — Но они были уничтожены больше ста лет назад.

— Их дух не уничтожен, — ответила она. — Он жив. И он может спасти вас, если вы позволите.

Она протянула руку и коснулась его груди, туда, где под тканью лежал медальон.

— Откройте его, — прошептала она. — И вы узнаете правду.

Себастьян медленно поднял руку, нащупал застёжку медальона и открыл её.

Внутри, на пожелтевшем пергаменте, было написано всего несколько слов, но они перевернули всё, что он знал о своей жизни.

«Ты не сын того, кого называл отцом. Твой настоящий отец — рыцарь Храма, и его кровь течёт в твоих жилах. Найди его, пока не стало слишком поздно».

Он поднял глаза на Элиану, и в его взгляде было всё: гнев, страх, отчаяние, и ещё одно чувство, которое он не мог назвать, но которое делало его сильнее и слабее одновременно.

— Мы найдём его, — сказала она, словно читая его мысли. — Мы найдём твоего отца. И тогда ты узнаешь всю правду.

Он сжал её руку и, не говоря ни слова, вышел из камеры.

Ночь опускалась на Монсегюр, и в небе зажигались первые звёзды. Себастьян стоял на стене замка и смотрел вдаль, на тёмные силуэты гор, и думал о том, что его жизнь изменилась навсегда.

Внизу, в долине, зажглись огни костров — где-то там, в деревне, готовились к долгой осенней ночи. Он смотрел на этот свет и чувствовал, что в его душе тоже зажглась искра, которая может разгореться в пламя.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но знал, что он не один.

Сзади слышались лёгкие шаги, и он обернулся. Элиана стояла на стене, кутаясь в плащ, и улыбалась ему.

— Я знала, что вы придёте, — сказала она.

Он улыбнулся в ответ — впервые за много дней.

— Я всегда буду приходить, — сказал он. — Потому что я не могу быть там, где нет вас.

Она подошла ближе, и он обнял её, чувствуя, как её тепло проникает в его холодное, окаменевшее сердце.

И в этот момент, под звёздным небом, над руинами альбигойских замков, он понял, что готов на всё. Что он пойдёт за ней на край света. Что он найдёт своего отца, узнает правду о тамплиерах и спасёт её, чего бы это ни стоило.

Потому что любовь — это величайшая из всех ересей.

И он был готов сгореть в её пламени.

Утром в замке поднялась тревога: стражники нашли в северной башне распахнутое окно, на подоконнике — срезанный решётчатый прут, а на полу — клочок серой шерсти. Инквизитор же объявил, что ведьма сбежала ночью, уловив момент, когда стража отвлеклась на пирушку, устроенную в честь приезда гонца от епископа.

Брат Арно, единственный, кто знал правду, молчал и только бледнел, глядя на своего наставника.

— Вы понимаете, что делаете? — спросил он шепотом, когда они остались одни.

— Понимаю, — ответил Себастьян. — И, может быть, впервые за долгое время поступаю правильно.

— Но почему?! — почти взмолился Арно. — Зачем вам, инквизитору, спасти еретичку? Вы же можете сгореть на том же костре, что и она!

Себастьян посмотрел на него, и в глазах его мелькнуло то, чего Арно никогда в них не видел: решимость человека, который наконец нашёл то, ради чего стоит жить.

— Потому что она сказала мне правду, — ответил он. — А правду, брат Арно, от меня никто никогда не говорил. Ни папа, ни король, ни орден. Только она.

Он взял со стола плащ, накинул его на плечи и направился к двери.

— Берегите замок, — бросил он через плечо. — И берегите себя. Если меня не будет к вечеру — не ищите.

— Отец инквизитор! — окликнул его Арно. — Но ведь вы даже не знаете, куда она могла пойти!

— Знаю, — сказал Себастьян, и на губах его появилась странная, почти мечтательная улыбка. — Туда, где цветёт золотая роза.

И он вышел, оставив Арно одного в тишине опустевшего кабинета.

Он нашёл её на рассвете у подножия гор, у старого развалившегося каменного сарая, который когда-то был часовней альбигойцев. Она сидела на поваленном столбе, грызла яблоко и смотрела, как он спешивается с коня, с таким видом, будто ждала его с ночи.

— Вы опоздали, — сказала она. — Я думала, вы придёте раньше.

— Конь сбросил подкову, — ответил он, стараясь не показать, как колотится его сердце. Она усмехнулась и бросила ему огрызок.

— Врёте. Вы просто боялись.

— Боялся? — переспросил он. — Чего мне бояться?

— Меня, — просто сказала она. — И себя. И того, что будет дальше.

Себастьян помолчал, потом привязал коня к столбу и присел на корточки напротив неё.

— Может быть, и боялся, — признался он. — Но вот я здесь.

Элиана долго смотрела на него, и в её глазах боролись какие-то чувства, которые она не спешила показывать. Потом она поднялась, отряхнула платье и подошла к нему вплотную.

— Тогда пойдём, брат Себастьян. Пока епископ не хватился и не обшарил все дороги до Тулузы. У нас с вами есть одно место, где нас никто не будет искать.

— Какое место?

— Там, где я выросла. — Она улыбнулась. — Гнездо воронов, которое уже сто лет как выжгли. Но вороны, знаете ли, возвращаются.

Она вскочила в седло второй лошади, которую, как выяснилось, заранее припрятала в сарае, и тронула поводья.

— Догоняйте, — бросила она через плечо. — А я пока подумаю, как отучить вас бояться самого себя.

И Себастьян поскакал вслед за ней, впервые за четыре года чувствуя, что поступает правильно, — какой бы ересью это ни казалось со стороны.

Они ехали молча, держась тенистых опушек леса, в стороне от больших дорог. Элиана вела уверенно, не оглядываясь на замок, и Себастьян, следуя за ней, вдруг поймал себя на том, что смотрит не на дорогу, а на её спину, на рыжие волосы, выбивающиеся из-под капюшона, на то, как она держит поводья — легко, почти небрежно, словно родилась в седле.

— Вы долго будете на меня смотреть? — спросила она, не оборачиваясь.

Себастьян смутился. Он был уверен, что она не видит его взгляда со спины.

— Откуда вы...

— Я чувствую, — коротко ответила она. — Когда на меня смотрят, у меня между лопаток начинает чесаться. Особенно когда смотрят с таким выражением, как у вас сейчас.

— С каким выражением? — спросил он, стараясь придать голосу безразличие.

— С таким, будто вы пытаетесь решить, кто я на самом деле: ведьма, посланница небес или ваше наваждение.

Он хотел возразить, но не нашёл слов. Потому что именно это он и пытался решить.

— И что же вы мне посоветуете? — спросил он наконец.

Она обернулась и посмотрела на него в упор. Ветер играл её волосами, и в этом движении было что-то такое живое, что у него на миг перехватило дыхание.

— Не пытайтесь решить, — сказала она. — Просто примите, что я здесь. И что я не уйду. А остальное — как сложится.

Она отвернулась и пришпорила лошадь, уходя вперёд.

Себастьян поскакал следом, чувствуя, как в груди разгорается то самое пламя, которое он так долго пытался погасить молитвами.

К полудню они добрались до небольшой пещеры в скалах, которую Элиана называла «тихим домом». Внутри было сухо, пол устилала старая солома, а в углу стоял глиняный кувшин с водой. Кто-то явно подготовил это убежище заранее.

— Здесь можно отдохнуть до вечера, — сказала она, спешиваясь. — Дальше поедем ночью. Днём нас слишком легко заметить с дозорных вышек.

Они вошли внутрь, и он помог ей развести небольшой огонь. В свете пламени её лицо казалось тёплым, почти домашним, и Себастьян вдруг поймал себя на мысли, что уже не представляет своей жизни без этого лица.

— Вы думаете, он будет нас искать? — спросил он.

— Епископ? — Она усмехнулась. — Обязательно. Он уже, наверное, рвёт на себе рясу от злости. Но он будет искать нас не там, где мы есть. Он будет искать нас там, где он сам спрятал бы ведьму, если бы был инквизитором. А я — не он.

— И где же он будет искать?

— На дорогах, ведущих в Париж. В монастырях. У его людей — привычка искать там, где светло. А мы с вами пойдём туда, где темно.

— Куда именно?

— В Каталонские горы. Там есть одно место — старая крепость, где когда-то укрывались мои предки. Никто туда не сунется. Даже епископ.

Себастьян покачал головой.

— Вы уверены, что это разумно? Идти в горы, где нет ни дорог, ни людей?

— Зато есть то, что нам нужно, — ответила она. — Там, в развалинах старого аббатства, мой отец спрятал часть записей о розах. Я не знаю, что именно там написано, но если мы сможем их найти — мы узнаем, кто охотится за розами и зачем.

— А если нас опередят?

— Не опередят. — Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько уверенности, что он поверил ей безоговорочно. — Потому что про это аббатство знаю только я. И больше никто.

Они замолчали, глядя на огонь. В пещере было тихо, только снаружи шумел ветер, да где-то вдалеке кричали птицы.

— Я хочу спросить вас, — сказал Себастьян неожиданно. — Что вы чувствуете, когда касаетесь людей? Боль? Страх? Или то, что они сами боятся чувствовать?

Она подняла на него глаза. В них было то же зеленое сияние, то он впервые заметил в зле вопроса.

— Всё сразу, — ответила она. — Когда я касаюсь человека, я вижу его прошлое. Лучшие моменты — и худшие. Я вижу, как он родился, как умерли его родители, кого он любил и кого предал. И это иногда бывает невыносимо. Но есть и другая сторона. Я вижу то, что человек хотел бы забыть. И это помогает мне понимать, почему он такой, какой он есть.

— И что вы видите во мне? — оросил он, и глот его дрогнул.

Она молчала долго, так долго, что он уже почувствовал, что ступил за невидимую черту.

— Я вижу мальчика, который потерял мать слишком рано, — сказала она наконец. — И который так и не смог её отпустить. Я вижу мужчину, который всю жизнь искал отца. И я вижу человека, который боится любви больше, чем смерти.

— Потому что любовь — это единственное, что он не может контролировать, — сказал он, завершая её мысль.

Она кивнула.

— Именно поэтому.

Себастьян сжал в руке медальон, чувствуя, как от него исходит тепло, и вдруг понял, что ему есть, что ответить.

— Может быть, я и боюсь любви, — сказал он. — Но я боюсь её потерять ещё больше.

Она не ответила. Но на её губах появилась та самая улыбка, ради которой, как он вдруг понял, он был готов пойти на любой костёр.

♦ Глава 3. О том, как побег становится началом, а не концом

Мысль — это тень, которую разум отбрасывает на стену небытия.

И чем ярче свет, тем длиннее тень.

Но если ты решил бежать от собственной тени,
знай: тьма всегда настигает тех, кто боится света.

И лишь тот, кто смотрит тьме в лицо,
может увидеть звёзды за её спиной.

Брат Арно стоял в дверях кельи и смотрел на своего наставника с выражением, которое трудно было назвать иначе как «неподдельное замешательство». Себастьян де Монфор — человек, который никогда не нарушал ни одной заповеди, не пропускал ни одной заутрени и не позволял себе даже капли вина во время поста — сейчас сидел на краю кровати и сосредоточенно зашнуровывал высокие дорожные сапоги.

— Отец инквизитор, — осторожно начал Арно, — вы уверены, что это необходимо? Мы можем просто отправить гонца в Тулузу за подкреплением. Или дожидаться приезда комиссара из Парижа. Епископ не посмеет...

— Епископ посмеет, — перебил его Себастьян, не поднимая глаз. — И он приедет не один. С ним будет отряд церковной стражи, два инквизитора из Керси и, возможно, сам генеральный прокурор. Я знаю Филиппа де Бофора. Он не из тех, кто прощает поражения.

Арно нервно переступил с ноги на ногу. В свои двадцать лет он был ещё слишком молод для таких разговоров, и его лицо — бледное, с едва заметным пушком над верхней губой — выдавало волнение, которое он тщетно пытался скрыть.

— Но почему вы не хотите просто отдать её, отец? — спросил он, и в голосе его прозвучала искренняя боль. — Она всего лишь ведьма. Таких, как она, по всей Франции сотни. Зачем рисковать своей душой и своей должностью ради одной женщины?

Себастьян наконец поднял глаза. В его взгляде было столько стали, что Арно невольно сделал шаг назад.

— Она не «просто ведьма», брат Арно. Она знает то, что может изменить всё. И если я позволю епископу забрать её, мы никогда не узнаем правды. О тамплиерах, о заговоре, о том, что происходит на самом деле.

— О тамплиерах? — Арно нахмурился. — Но тамплиеры... они же еретики. Их уже арестовали. Завтра, говорят, папа издаст буллу о роспуске ордена.

— Завтра, — повторил Себастьян, и в его голосе прозвучала горькая насмешка. — Да, завтра. Но почему именно завтра? Почему не сегодня, не вчера, не месяц назад? Кто решил, что именно сейчас настал час для их уничтожения?

Арно открыл рот, чтобы возразить, но передумал. Вместо этого он спросил:

— Вы хотите сказать, что кто-то использует нас как орудие? Что весь этот процесс — заговор?

— Я хочу сказать, что я не знаю, — ответил Себастьян, затягивая последний узел на сапоге. — Но я собираюсь это выяснить. И если это означает, что я должен нарушить свой обет, стать еретиком и бежать с ведьмой — что ж, значит, так тому и быть.

Арно медленно покачал головой, но в его взгляде мелькнуло нечто похожее на уважение.

— Я не понимаю вас, отец, — сказал он. — Но я не буду мешать. И, если понадобится, я солгу. Скажу, что не знаю, куда вы ушли.

Себастьян поднялся, положил руку на плечо своего юного помощника и сжал его — коротко, по-отечески.

— Спасибо, Арно. Если я не вернусь...

— Вы вернётесь, — перебил его Арно, и в голосе его прозвучала твёрдость, которой он сам от себя не ожидал. — Вы всегда возвращаетесь. Даже когда вам не следовало бы.

Они обменялись улыбками — неловкими, почти виноватыми, но искренними. А затем Себастьян вышел в коридор и направился к северной башне.

Себастьян отпер дверь камеры и вошёл. Элиана уже стояла посреди комнаты, одетая в длинный тёмный плащ, и держала в руках маленькую суму, туго набитую травами и склянками.

— Я знала, что вы придёте, — сказала она, и в её голосе прозвучала та самая насмешка, которая сначала раздражала его, а теперь казалась такой знакомой и родной. — Вы всегда предсказуемы, брат Себастьян.

— Не всегда, — ответил он, закрывая дверь. — Иначе я бы не стоял здесь, глядя на ведьму, которую должен был сжечь.

— И всё же вы здесь, — она шагнула к нему и встала так близко, что он слышал её дыхание. — Значит, вы уже сделали свой выбор.

— Я сделал его в ту ночь, когда увидел ваши глаза, — сказал он, и слова вырвались прежде, чем он успел их обдумать. — В ту ночь, когда вы показали мне правду о моей матери. И о том, кем я должен стать.

Она улыбнулась, и в её взгляде мелькнуло что-то, от чего у него перехватило дыхание.

— А вы, оказывается, умеете быть романтичным, отец инквизитор. Я и не думала, что в вас есть такие задатки.

— Это не романтика, — ответил он, пытаясь сохранить остатки достоинства. — Это элементарная логика. Если я позволю вам умереть, я никогда не узнаю правду. А если я не узнаю правду — я никогда не буду свободен.

Она усмехнулась и наклонила голову набок, разглядывая его так, словно видела впервые.

— Вы очень забавный человек, брат Себастьян. Вы говорите о свободе, но при этом надеваете на себя кандалы ваших же правил. Вы хотите быть честным, но лжёте себе. Вы хотите любить, но боитесь любви.

Она шагнула ближе и положила ладонь ему на грудь, туда, где под тканью лежал медальон.

— И всё же, — прошептала она, — вы здесь. И я здесь. И мы идём вместе. Значит, что-то в нас всё-таки есть общее.

Себастьян накрыл её руку своей и сжал её — не больно, но ощутимо.

— Мы идём вместе, — повторил он. — Но куда?

Она отняла руку и развернулась к узкому окну, за которым клубилась предрассветная мгла.

— В Париж, — ответила она. — Туда, где можно найти ответы. Туда, где ждут те, кто знает правду о тамплиерах.

— Париж, — повторил он, и в голосе его послышалась тревога. — Но это слишком далеко. И слишком опасно. Епископ уже, наверное, послал гонцов во все соседние епархии с описанием нас.

— Ну, — она обернулась и усмехнулась, — если бы мы были обычными беглецами, это было бы проблемой. Но я — ведьма. А вы — инквизитор. У нас есть преимущество.

Она подошла к нему и провела ладонью по его плечу, и там, где касались её пальцы, появилось лёгкое мерцание — словно ткань плаща на миг стала прозрачной, а затем снова обрела плотность.

— Я наложила на нас заклинание, — сказала она. — Пока мы рядом, никто не сможет нас увидеть. По крайней мере, если они не будут смотреть слишком внимательно.

Себастьян почувствовал, как холодок пробежал по спине. Магия — та самая, которую он преследовал, судил и сжигал заживо — теперь касалась его самого. Но, странно, это не вызывало в нём отвращения. Это было... захватывающе.

— Вы всегда так делаете? — спросил он, и в голосе его прозвучала лёгкая хрипотца. — Вводите инквизиторов в грех с помощью чар?

— Только тех, которые этого заслуживают, — ответила она с озорной улыбкой. — А теперь тихо. Кто-то идёт.

В коридоре действительно послышались шаги — тяжёлые, размеренные, принадлежащие человеку, который привык командовать. Себастьян напрягся, готовый в любой момент обнажить меч.

Но шаги затихли за поворотом, и в следующее мгновение в камеру протиснулся брат Арно, запыхавшийся и взволнованный.

— Отец инквизитор, — выдохнул он, — там... там отряд епископа. Они уже у ворот. Человек двадцать, все вооружены. Они говорят, что имеют приказ арестовать вас за пособничество еретикам.

Себастьян и Элиана переглянулись. В её взгляде читалось понимание — она знала, что это произойдёт раньше, чем он предполагал.

— Мы уходим, — сказал он, оборачиваясь к Арно. — Ты сказал им, что я в замке?

— Я сказал, что вы отправились на охоту рано утром и должны вернуться к вечеру, — ответил Арно, и на его лице появилась та самая неловкая улыбка. — Но вряд ли они поверят. Особенно когда увидят пустую камеру ведьмы.

— Тогда нам нужно спешить, — сказала Элиана, и она взяла Себастьяна за руку. — Идёмте. Я знаю потайной ход.

Она выскользнула в коридор так же бесшумно, как кошка, и Себастьян последовал за ней, оставляя Арно в камере одного, с растерянным видом и с медальоном, который он успел снять и вручить помощнику.

— Если я не вернусь, — прошептал он, — передай это моему брату. Если он ещё жив.

Арно сжал медальон в ладони и кивнул.

— Идите, отец. Господь с вами. И с ней тоже.

Элиана вела его по узким, пыльным коридорам, о которых Себастьян даже не подозревал. Они спускались всё ниже, в подземелья, где воздух был тяжёлым и холодным, а стены были покрыты слоем плесени и мха.

— Это старые ходы, — объясняла она, не оборачиваясь. — Их проложили ещё катары, когда строили замок. Они вели к подземным источникам и к выходу из долины. Никто не знает о них, кроме тех, кто хранит их тайну.

— И вы знаете, — сказал он.

— Я знаю всё, что связано с альбигойцами. Это моя кровь. Моя история.

Она остановилась у массивной каменной плиты, которая на первый взгляд казалась частью стены. Элиана провела по ней рукой, и камень сдвинулся, открывая узкий проход, за которым виднелся свет — бледный, утренний, но всё же достаточно яркий, чтобы они могли видеть друг друга.

— Здесь, — сказала она, протягивая ему руку. — Мы почти на свободе.

Он взял её руку и шагнул в проход.

Снаружи было холодно. Небо только начинало светлеть, и по долине стелился туман, делая очертания деревьев размытыми и призрачными. Себастьян оглянулся на замок, который возвышался на холме, словно каменный страж, готовый обрушить на них свою ярость.

— Мы не можем пойти пешком, — сказал он. — Лошади в конюшне, но их могут охранять.

Элиана усмехнулась и показала на невысокий холм, у подножия которого стоял деревянный сарай, почти скрытый зарослями орешника.

— Там есть лошади. Я позаботилась об этом заранее.

— Как вы могли?

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько озорства, что он невольно улыбнулся в ответ.

— Я ведьма, брат Себастьян. Мы всегда предусматриваем запасные варианты.

Через час они уже ехали по горной тропе, оставив замок далеко позади. Утренний свет медленно разгонял туман, и мир вокруг обретал чёткость и ясность — как если бы сама природа соглашалась с их решением бежать.

— Куда мы направляемся? — спросил он, когда они остановились у небольшого ручья, чтобы напоить коней.

— В одно место, где нас не будут искать, — ответила она, спешиваясь. — Там, где живёт человек, который знает тамплиеров. Он сможет помочь нам найти вашего отца.

Себастьян опустил на землю рядом с ней, чувствуя, как усталость наваливается на плечи.

— Вы уверены, что мы сможем доверять ему?

— Я доверяю ему, — ответила она, и в её голосе послышалась твёрдость. — Он — мой брат. Мой настоящий брат. Тот, кто спас мне жизнь, когда я была маленькой.

Она подняла на него взгляд, и в нём была уязвимость, которую он не видел в ней раньше.

— Вы не должны бояться, брат Себастьян. Мы вместе. И мы обязательно найдём правду. Какой бы она ни была.

Он протянул руку и коснулся её щеки — кончиками пальцев, словно боялся, что она растворится в воздухе.

— Я не боюсь, — сказал он. — Я просто... не привык доверять. Никому. Даже себе.

— Это пройдёт, — ответила она, и её улыбка была тёплой, как солнечный свет. — Всё пройдёт. Но сначала нам нужно добраться до её источника.

Она поднялась и протянула ему руку.

— Вставайте, брат Себастьян. Путь будет долгим. Но мы успеем.

Он взял её руку и поднялся, чувствуя, как в груди разливается тепло, не имеющее ничего общего с утренним солнцем.

Они снова сели на коней и двинулись дальше, вниз по тропе, в сторону долины, где их ждали новые тайны, новые опасности — и, возможно, спасение.

Но никто из них не знал, что в тот же самый момент, в небе над Пиренеями, появилась стая чёрных птиц, описавшая круг над их головами.

Элиана подняла голову и на мгновение остановилась.

— Что это? — спросил Себастьян, заметив её тревожный взгляд.

Она не ответила. Она просто смотрела на птиц, кружащих над ними, и в её глазах мелькнула тень страха, которую она не могла скрыть.

— Они следят за нами, — сказала она наконец. — Епископ знает, что мы ушли. И он не даст нам уйти далеко.

Себастьян прищипорил коня, и Гром рванул вперёд, словно чувствуя тревогу своего хозяина.

— Тогда нам нужно успеть, — крикнул он через плечо. — Держитесь за мной, и мы уйдём от них.

Элиана поскакала следом, и ветер развеивал её волосы, как знамя.

Они мчались по горной тропе, оставляя за собой пыль и прошлое, и в этом бегстве было столько же отчаяния, сколько и надежды.

Потому что они знали: то, что ждало их впереди, стоило того, чтобы рискнуть всем.

Даже жизнью.

К полудню дорога вывела их к перевалу, откуда открывался вид на долину, залитую солнцем. Внизу, у изгиба реки, виднелась деревня — несколько десятков домов, церковь, мельница. Обычная, ничем не примечательная деревушка, каких по Лангедоку сотни.

— Здесь мы можем передохнуть, — сказала Элиана, останавливая лошадь. — У меня здесь есть знакомая. Она держит постоянный двор и не задаёт лишних вопросов.

— Не задаёт вопросов? — переспросил Себастьян с сомнением.

— Ей шестьдесят лет, — ответила Элиана с улыбкой. — В её возрасте перестаёшь интересоваться чужими грехами. Особенно если за них хорошо платят золотом.

Они спустились в деревню и остановились у низкого каменного дома с вывеской, на которой было изображено что-то, отдалённо напоминающее гуся. Хозяйка — дородная женщина с лицом, изборождённым морщинами, и руками, привыкшими к тесту и кастрюлям, — встретила их без особого удивления, только хмыкнула, увидев Элиану в мужском плаще.

— Опять ты, — сказала она. — Привела очередного "паломника"?

— Он не паломник, тётя Мари, — ответила Элиана, входя в дом. — Он мой спутник. Ему нужны комната, горячая вода и ужин. И ни одного вопроса.

— Вопросы дорого стоят, — хозяйка смерила Себастьяна оценивающим взглядом. — Для тех, кто умеет платить, они бесплатны не бывают.

Себастьян протянул ей серебряную монету. Женщина ловко спрятала её в передник и кивнула на лестницу.

— Вторая дверь налево. Вода будет через час.

Они поднялись в комнату. Она была маленькой, но чистой — кровать с соломенным матрасом, стол, табурет, узкое окно, выходящее во двор. Себастьян закрыл дверь и повернулся к Элиане.

— Вы знаете её давно?

— Она выходила меня, когда я болела в детстве, — ответила Элиана, снимая плащ. — Моя мать и она были подругами. Тётя Мари из тех, кто не верит в ведьм, потому что слишком хорошо знает людей.

Она села на кровать и вытянула ноги, устало закрыв глаза. Себастьян заметил, как она похудела за эти дни, как тени залегли под глазами. Ей тоже было нелегко — может быть, даже тяжелее, чем ему.

— Отдохните, — сказал он. — Я посторожу.

— Посторожите? — Она открыла один глаз и посмотрела на него с усмешкой. — Вы хотите сказать, что будете сидеть тут и смотреть на меня, пока я сплю?

— Если нужно.

— Ну что ж, — она легла на подушку и накрылась плащом, — тогда смотрите. Только не перенапрягайтесь. А то у вас глаза лопнут от усердия.

И она закрыла глаза. Через минуту её дыхание стало ровным и глубоким — она уснула так же легко, как спят животные, умеющие использовать каждую минуту отдыха.

Себастьян сел на табурет у окна, вынул медальон и долго смотрел на золотую розу в свете угасающего дня.

«Что же ты такое? — думал он. — И почему из-за тебя умирают люди?»

Ответа не было. Только тихое дыхание спящей женщины за его спиной и далёкий крик чёрных птиц в небе.

Спустились сумерки, а вместе с ними — и долгожданная горячая вода. Тётя Мари принесла большой деревянный ушат, чистое бельё и ужин: дымящийся горшок с похлёбкой, свежий хлеб, кувшин вина. Себастьян с удивлением почувствовал, как голоден.

— Поешьте, — сказала Элиана, садясь за стол. — В дороге нельзя быть голодным. Иначе мысли путаются, а нам ясная голова нужна.

Он кивнул и принялся за еду. Ел молча, сосредоточенно, как человек, привыкший к простой пище. Элиана наблюдала за ним, и в её взгляде было что-то тёплое, почти домашнее.

— Вы знаете, что вы совсем не похожи на инквизитора? — спросила она вдруг.

— Это как понимать?

— Вы не злой. Злые люди не спрашивают «почему». Они просто действуют. А вы всё время спрашиваете.

Он отложил ложку и встретился с ней взглядом.

— А вы? Вы похожи на ведьму?

— Конечно, похожа, — она усмехнулась. — Но если вы расскажете кому-нибудь, что это всего лишь дар видеть прошлое и немного трав, мне придётся вас проклясть. Для репутации.

Он невольно улыбнулся — и, поймав себя на этом, смутился. Он не привык улыбаться. За годы службы улыбка стала для него роскошью, которой он не мог себе позволить.

— Знаете, — сказал он, — вы единственный человек, который заставляет меня улыбаться. И это меня пугает.

— Ничего, — ответила она. — Привыкнете. Правда, у нас с вами на это не так много времени.

Она поднялась и подошла к окну. В сгущающихся сумерках её силуэт казался хрупким, почти невесомым.

— Завтра мы выедем на рассвете, — сказала она. — Нам предстоит долгий путь. Мой брат живёт далеко отсюда. Но он знает дорогу к правде.

— А вы уверены, что он захочет нам помочь?

— Уверена. — Она обернулась, и в её глазах мелькнула та самая искра, которую он уже научился узнавать. — Потому что он тоже ищет правду. И он знает, что одному ему её не найти.

Она помолчала, потом тихо добавила:

— Ложитесь спать, брат Себастьян. Я посторожу.

— Это я предлагал вам.

— А я предлагаю вам, — она улыбнулась. — Спокойной ночи. И пусть вам приснится то, чего вы ищете.

Себастьян лёг на лавку у стены, укрылся плащом и долго смотрел в потолок. За окном шумела река, где-то лаяли собаки, а в комнате было тихо — только дыхание женщины у окна, стоящей на страже его сна.

И, сам не заметив, он провалился в глубокий, без сновидений сон — впервые за много лет.

Аврора встретила их на перевале, куда они поднялись ещё до рассвета, решив не дожидаться, пока деревня проснётся и начнутся ненужные вопросы. Розовая полоса света лежала над горами, как рана на небе, и ветер был ледяным, хотя солнце уже поднималось над острыми пиками.

— Отсюда видно весь путь, — сказала Элиана, останавливая коня. — Если нас кто-то преследует, мы это увидим.

Они оглянулись. Внизу, в долине, замок Монсегюр выглядел маленьким и далёким — игрушечная крепость из детских снов, а не каменная твердыня, из которой они бежали.

— Странно, — сказал Себастьян. — Начинаешь ценить место, где оставил часть себя, только когда уходишь от него навсегда.

— А я своё не оставляла, — ответила Элиана тихо. — Я его никогда и не имела.

Он посмотрел на неё. В утреннем свете её лицо казалось уставшим, но спокойным.

— Вы никогда не говорили о себе, — сказал он. — Что вы помните из детства?

Она помолчала, глядя в долину.

— Я помню пожар, — сказала она наконец. — Мне было семь. Горела наша деревня. Катаров жгли не за то, что они катары — их жгли за то, что они прятали трёх людей, которых искала инквизиция. Моя мать вывела меня из огня. Она погибла потом, спустя годы, — но не от меча и не от огня. Её убили из-за розы. Как и вашу мать.

Себастьян сжал поводья.

— Потому что она была хранительницей.

— Она была одной из семи, — ответила Элиана. — И моя мать передала ей тайну. А потом её убили. И тайна перешла ко мне. Просто потому, что я была рядом.

Она повернулась к нему, и в её глазах была странная смесь вызова и грусти.

— Я никогда не хотела этого дара, брат Себастьян. Видеть прошлое людей, когда касаешься их. Я хотела быть обычной. Выйти замуж, рожать детей, лечить простуду и ломанные руки. А вместо этого я вижу чужие страхи и чужие грехи. И это тяжело.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что вы идёте со мной туда, где правда окажется тяжелее, чем вы можете представить. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — И потому что вы должны знать, что я не просто «ведьма из Монсегюра», которую можно сжечь и забыть. Я — тот, кто хранит тайну, ради которой люди умирали веками. И если эта тайна откроется, погибнуть могут все, кто к ней прикоснётся.

— И вы всё равно идёте туда?

— Я не могу не идти, — она развела руками. — Это моя кровь. Моя судьба. И, может быть, мой долг — завершить то, что начала моя мать.

Ветер развевал её волосы, и в этот момент она показалась Себастьяну не ведьмой, а воином — хрупким, но несгибаемым, как тростник, который гнётся под ветром, но не ломается.

— Тогда идём вместе, — сказал он. — И пусть будет что будет.

Она улыбнулась — той улыбкой, от которой у него сжималось сердце.

— Идём.

И они тронули коней, спускаясь по другой стороне перевала, туда, где между горами лежала долина, где жил человек, знающий тайну роз — брат Элианы, Рауль.

Спуск был долгим. Солнце поднималось всё выше, и к полудню они уже ехали по тенистому лесу, где воздух был напоён запахом хвои и влажного мха. Река шумела где-то справа, в овраге, и её голос был ровным, успокаивающим, как молитва.

— Здесь недалеко, — сказала Элиана. — За этим лесом будет старая мельница. Рауль живёт рядом с ней.

— Он знал, что вы придёте?

— Он знал, что я вернусь, — поправила она. — Когда-нибудь. Рауль умеет ждать. Он научился этому в ордене. Хранители умели ждать по десять, по двадцать лет.

Себастьян невольно задумался о том, что значит уметь ждать десятилетиями. Он сам не умел ждать и месяца — ему всегда нужно было действие, ответ, результат. А эти люди, о которых говорила Элиана, умели хранить тайну веками.

— Скажите, — спросил он, — а почему тамплиеры вообще доверили эти тайны женщине? Вашей матери?

Элиана усмехнулась.

— Потому что женщины умеют молчать, когда это нужно. И потому что ни одна инквизиция не придёт искать тайну у дочери кузнеца, которая лечит людей травами. Это был самый надёжный тайник — доверить тайну той, кого никто не будет искать.

— Умно.

— Да. — Она посмотрела на него. — Так же, как умно было отдать золотую розу в руки инквизитора, который никогда бы не вскрыл медальон, если бы не встретил меня.

Он сжал медальон под тканью плаща.

— Так она случайно попала ко мне.

— Ничего не бывает случайно, брат Себастьян. — Она остановила коня, прислушиваясь.
— Мы почти на месте. Я слышу воду мельницы.

Действительно, где-то впереди слышался ровный стук — деревянное колесо, вращаемое водой. И сквозь деревья уже виднелись очертания соломенной крыши.

— Приготовьтесь, — тихо сказала Элиана. — Рауль старше меня и мудрее. Он многое видел и многое потерял. Но он — единственный человек, которому я доверяю больше, чем себе.

Они выехали на поляну, и перед ними открылась старая мельница — почерневшая от времени, с замшелым колесом, медленно вращавшимся в тёмной воде.

И у дверей мельницы, опираясь на палку, стоял человек — высокий, седой, с лицом, изрезанным морщинами, как старая кора. Он смотрел на путников, и в его глазах было удивление, смешанное с чем-то, что трудно было прочесть.

— Элиана, — сказал он, и голос его был низким, как шум реки. — Я знал, что ты вернёшься. Но не думал, что приведёшь с собой инквизитора.

— Это не инквизитор, Рауль, — ответила она, спешиваясь. — Это человек, который ищет правду. Так же, как мы.

Рауль долго смотрел на Себастьяна, и в его взгляде было что-то, от чего у Себастьяна по спине пробежал холодок. Как будто старик видел больше, чем мог видеть обычный человек.

— Правду, — повторил Рауль. — Ну что ж, входите. Правда, она не любит, когда её ищут при свете дня. Но мы с вами, похоже, уже прошли ту точку, где можно сомневаться.

Он развернулся и вошёл в дом, оставив дверь открытой. Элиана посмотрела на Себастьяна и кивнула.

— Идём, — сказала она. — И помните: здесь мы среди своих.

И они вошли в тёмную, пропахшую мукой и старым деревом мельницу, где их ждали ответы на вопросы, которые они ещё не научились задавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.